

Т. Б. А г р а н а т, Западный диалект водского языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков, Москва—Гронинген 2007 (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 26). 195 с.

Первое описание водского языка опубликовано более чем полтора столетия назад. Оно было составлено финским ученым Аугуст Альквистом на базе котельского говора (Ahlqvist 1856). Через 15 лет была опубликована монография академика Ф. Й. Видемана о кривинах, привезенных в XV веке в качестве военнопленных в южную Латвию (Wiedemann 1871). Строение кривинского диалекта в достаточной мере описано на 16 страницах крупноформатного издания. В большинстве случаев данное исследование пропускается при перечислении описаний водского языка. В 1922 году учитель водского происхождения Д. П. Цветков написал грамматику родного кракольского говора, однако она оставалась не опубликованной в течение 85 лет и увидела свет лишь в нынешнем году (Tsvetkov 2008).

Новый этап в изучении водского языка начался после второй мировой войны, когда вышла в свет грамматика, написанная эстонским финно-угроведом Паулем Аристе (Ariste 1948). Она впервые содержала данные о всех диалектах, однако большее внимание было уделено котельскому диалекту. Нельзя не упомянуть краткий, но содержательный обзор грамматики пера эстонского вотолога Эльны Адлер (Адлер 1966), опубликованный в пятитомном издании по языкам народов СССР. Немецкий финно-угровед Эберхард Винклер провел основательное исследование кривинского диалекта на современном научном уровне (Winkler 1997). Итак, в течение 152 лет были изданы монографии по всем известным диалектам водского языка, кроме самого восточного — копорского.

Рецензируемая книга написана московским вотологом, кандидатом филологических наук Татьяной Борисовной Агранат на основе «Инструкции по единообразному описанию диалектов уральских языков», составленной К. Е. Май-

тинской (Москва) и Вольфгангом Феэнкером (Гамбург) и одобренной на заседании специальной комиссии в Будапеште в 1988 году. Хочется добавить, что в последнее десятилетие Институт языкознания РАН в столице Российской Федерации стал одним из центров вотологии, поскольку там занимаются изучением водского языка, по меньшей мере, еще два кандидата филологических наук — Федор Иванович Рожанский и его супруга Елена Борисовна Маркус.

Во введении (по нумерации первая глава; с. 5—23) дается общий обзор водского языка, его истории, нынешнего положения, диалектов, истории изучения и т. д. В развернутом виде этот материал дан в одной из последних статей автора (Агранат 2008). Введение содержит много интересных для читателя данных. Например, глоттохронологические данные, вычисленные по методике М. Сводеша, согласно которым водская лексика совпадает с финским литературным языком в 91%, а с эстонским литературным языком в 88% случаев (с. 5).

В общих чертах правильно представлена довольно суровая история водского народа. Правдоподобно рассуждение автора о том, что данные о 774 носителях водского языка по последней Всероссийской переписи (2002) не соответствуют действительности. В книге упоминается, что в наши дни водским языком пользуются люди водской национальности только при общении с учеными, поскольку нет больше семьи, имеющей более одного человека, владеющего языком. Однако не со всеми точками зрения, представленными во введении, нельзя согласиться.

В книге приведено только две гипотезы разветвления прибалтийско-финских языков, а именно Пауля Аристе и Терхо Итконена (с. 5). На деле их значительно больше, не менее дюжины (см. Viiitso 2003 : 132 и сл.). Кроме того, це-

лесообразно было бы, по мнению рецензента, указать также на статью финского лингвиста Ярмо Эломаа о происхождении воды (Elomaа 1995). Обилие гипотез несомненно свидетельствует о том, что проблема до сих пор не решена.

Т. Б. Агранат верно описывает использование ижорского языка в качестве *lingua franca*, а также обучение ижорскому языку в 1930-х годах. Она делает вывод, что «как раз обучение водских детей на ижорском языке было следствием того, что они называли себя ижорцами, а свой язык ижорским» (с. 7). На самом деле, это слишком упрощенный подход к исторической деятельности. Становление ижоры и их языка престижными для воды не обусловлено лишь одним фактором, при рассмотрении ассимиляции необходимо иметь в виду целый комплекс факторов (см. Ernits 2006). К тому же, ижоризация воды началась задолго до введения ижорского языка в школьные программы.

Уточнения и пополнения требуют некоторые приведенные во введении факты и точки зрения о диалектах водского языка. Автор не уверена в том, существовала ли в вымершем кривинском диалекте фонема *õ*, поскольку ею не использована упомянутая монография Э. Винклера, приводящего убедительные доказательства в пользу наличия этой фонемы (Winkler 1997 : 148—151). Т. Б. Агранат только по данным исторической фонетики водского языка, составленной Лаури Кеттуненом, отмечает, что в куровицком диалекте наблюдается множество ижорских черт (с. 10). В данном случае следовало бы упомянуть и статью Сеппо Сухонена, который находит в названном диалекте преобладание ижорских фонологических и морфологических признаков (Suhonen 1985); поэтому современная идиома д. Куровиц принадлежит скорее к ижорскому языку.

Т. Б. Агранат обоснованно сомневается в правомерности традиционного деления водского языка на диалекты. По данным рецензента, западный диалект нельзя считать одним диалектом, ибо при сравнении котельская и кракольская идиомы имеют столько же фо-

нологических и грамматических различий, как и котельский и копорский. Поэтому в Ингерманландии, по нашему мнению, целесообразно различать три диалекта: котельский, кракольский и копорский (Ernits 2005 : 77). С другой стороны, по сравнению, например, с эстонским языком, диалектальные различия водского языка малочисленны, поскольку в последние столетия, когда началось его изучение, вода проживала в пределах довольно узкой территории. Использование термина «диалект» оправдано при условии, что под понятием «говор» подразумевается языковая узус одной деревни.

Рецензируемая книга рассматривает структуру кракольского диалекта — единственной живой идиомы водского языка. В настоящее время на нем говорят только в двух деревнях Кингисеппского района Ленинградской области — в Краколье (вод. *Jõgõperä*) и Лужицах (*Luuditsa, Luuttsa*). Последняя возникла в результате слияния Лужиц и Песков (вод. *Liivčüla*). Работа Т. Б. Агранат основывается на материалах, собранных автором в 1995 и 2001—2006 годах в названных деревнях. Среди опрошенных информантов 6 человек живёт/жил в Краколье и 8 — в Лужицах. Среди них старейшей была Мария Петрова (1915—1999), долголетний информант П. Аристэ, а младшей — бывшая учительница Зинаида Савельева (1938 г. рождения). Копорский диалект вымер не в 1960-е годы, как указано в книге, а в 1972 году, когда умерла известный ичепинский информант Фекла Васильева. К сказанному можно добавить, что котельский диалект окончательно вышел из употребления в начале 1980-х годов в связи с кончиной Марии Боровой из д. Маттия (Ernits 2005 : 85, 87).

В книге Т. Б. Агранат опубликована интересная карта исторических водских деревень, к сожалению, в серых тонах (с. 23). В таком виде она не даёт читателю необходимую информацию, поскольку оригинал является многоцветным (см. http://commons.wikimedia.org/wiki/Image:Votic_language_map.png).

Большой интерес представляет короткая библиография (с. 14—21), в ко-

торой в более полной мере представлены исследования русских вотологов последнего времени. Выяснилось, что как у Т. Б. Агранат нет полного обзора трудов западных авторов, у рецензента до сих пор отсутствовала информация об опубликованных работах в России за последние десятилетия. В названной библиографии описаны 83 работы, из которых 33 принадлежат московским вотологам (Т. Б. Агранат — 24, Ф. И. Рожанскому — 5, Е. Б. Маркус — 4). К сожалению, не указана серьезная библиография финского ученого Ярмо Эломаа, охватывающая все прибалтийско-финские народы Ингерманландии до 1980 года (Elomaа 1981).

Вторая глава книги (с. 24—36) дает обзор водской фонологии на основе материалов, полученных от информантов. Приводится короткое описание вокализма и консонантизма в общем, а также короткая характеристика отдельных фонем. Поскольку полученные результаты местами сильно отличаются от традиционных, было бы целесообразно сравнить их с обстоятельным исследованием Тийта-Рейна Вийтсо о лужицко-песочном говоре (Viitso 1961).

Например, по данным Т. Б. Агранат, все долгие гласные непервого слога могут реализоваться в форме коротких аллофонов, а короткие гласные (кроме *i*, *u*, *ii*) встречаются в виде *ə* или даже выпадают. Однако в труде Т.-Р. Вийтсо вокализм непервого слога отличается значительно большей пестротой (Viitso 1961 : 145—147). При этом интересно было бы узнать, обусловлено ли отличие изменениями в течение последнего полувека или же упрощенным написанием аллофонов.

Т. Б. Агранат (2007 : 33, 35) говорит в своей книге об оппозиционной паре *l—l̥*, причем первый член обозначает звук, сходный с рус. *л*, а второй — палатализованный согласный. Как известно, традиционной оппозиционной парой считается *l—l̥*, а *л* является комбинаторным звуком (Viitso 1961 : 154). Возникает вопрос, сохранилось ли в наши дни только два *l* из трех. По данным Т. Б. Агранат (2007 : 30, 31, 33), *š* и *ž* дентально-альвеорные звуки, что не соответствует

действительности. Как известно, это палатальные согласные (Ariste 1948 : 11; Viitso 1961 : 151). В рецензируемой книге не упомянут аллофон *ɲ*. Исчез ли он в последнее время? Кроме звуков, в данной главе говорится о речевой мелодике в разных типах предложений и ударении в водском языке.

В интересной главе о морфонологии (с. 37—52) автор рассматривает структуру непроемных и проемных слов, а также фонотактику. Описывается структура слога, дистрибуция и комбинаторика звуков, в том числе гармония гласных, чередование звуков и т. д. В принципе частота звуков водского языка (в промилле) могла бы заинтересовать читателя, однако некоторое недоверие вызывает проблематика наличия коротких и длинных звуков в современном водском языке (см. ниже).

Четвертая глава (с. 53—64) дает исчерпывающий обзор словообразования в водском языке. Рассматриваются употребляемые деривационные суффиксы и их значения.

В следующей, самой объемной главе (с. 65—117), разбираются морфологические вопросы, а именно словоизменение и морфосинтаксис. Типы склонения и спряжения в книге не приводятся. К сожалению, даже примеры склонения имен отсутствуют, в виде таблицы показаны только падежные форманты, причем порядок падежей (номинатив, партитив, генитив, инессив и т. д.) отличается от того, что принят в вотологии. По-видимому, вслед за Я. Я. Ленсу (по примеру А. Альквиста) автор грамматики не считает комитатив и терминатив падежами (ср. Ariste 1948 : 39—40). При этом *ka* 'с' (напр.: *pää ka* 'с головой') и *ssa* 'до' (*čüllää ssa* 'до деревни') отнесены к послелогам (с. 110, 111). В виде парадигмы описывается только склонение вопросительных и указательных местоимений. Интерес представляют послелоги ижорского происхождения *loon* 'перед (где?)', *loossi* 'перед (куда?)', *loonta* 'перед (откуда?)' (110, 125), которые отсутствуют в нынешних словарях водского языка. В синхронном плане существуют послелоги *палл* 'под (где?)', *паллõ* 'под (куда?)',

nalta 'из-под' (109), но для того, чтобы читатель не терял их связь с основной *ala-* 'нижний', можно было бы отметить, что элемент *-n-* является историческим окончанием генитива. В качестве примеров спряжения приведены глаголы *õlla* 'быть', *nõissa* 'встать; начинать', *panna* 'положить', *pessä* 'мыть' и *pessiissä* 'мыться'.

Грамматика Т. Б. Агранат впервые в истории вотологии содержит главу о синтаксисе (с. 118—149). Вначале рассматриваются синтаксические проблемы словосочетаний, сравнительных конструкций и вспомогательных слов. Далее анализируется синтаксис простого и сложного предложений, а также предложений, осложненных причастными, деепричастными и другими оборотами.

В седьмой главе (с. 150—170) в алфавитном порядке приводится словарь кракольского диалекта. К сожалению, нам не подсказаны принципы отбора и источники слов. По-видимому, они взяты из опубликованных словарей. В таком случае они не отражают в отличие от грамматических глав современный лексический статус. Не всегда соблюден алфавитный порядок слов. В предисловии утверждается, что сложные слова не приводятся, однако обнаруживается много таких примеров, как *aapasiini* 'подолешник', *ahjonalu* 'подпечье', *alavirta* 'нижнее течение' и др.

В конце книги находятся собранные автором образцы текстов водского языка (с. 171—188). Отдельно поданы тексты лужицкого и кракольского говоров. Они переведены на русский язык. Хорошо, что все фразы пронумерованы, это облегчает проверку правильности перевода.

Теперь несколько замечаний. Водские слова снабжены в общем правильными соответствиями на русском языке. Как уже упомянуто, в примерах недоумение вызывает нетрадиционная долгота звуков. Ограничимся следующей подборкой, содержащей кроме долготы и другие противоречия или непоследовательности:

1) долгий гласный вместо традиционного короткого гласного в первом слого:

õõmpõõ 'шей (императив)' (27), *üüväässi* 'хорошо' (176);

2) короткий гласный вместо традиционного долгого гласного в первом слого: *päsko* 'ласточка' (38; ср. *pääsko*, с. 49), *nittö* 'жатва' (41, *noriuz* 'молодость' (54; ср. *nooriuz*, с. 42; в словарях только *nooruz*), *päll* 'на поверхность' (64; ср. *pääle*, с. 111), *sapogõd* 'сапоги' (68), *võrõzi* 'в гости' (72), *mühepi* 'позже' (73), *pussa* 'из дерева' (74; ср. *puussa*, с. 121), *üssi* 'на ночь' (75), (*õlõzin*) *tätenmüd* 'я знал бы' (100), *süma* (*varta*) '(для) еды' (111), (*hüü*) *sati* '(они) получили' (121), *oman* 'завтра' (123), *surima* 'крупа' (131), *votta* 'год (парт.)' (133), *napuri* 'сосед' (134), *kulub* 'слышится' (136), *nõmma* 'будем' (139) *pörä* 'колесо; велосипед' (182), *peni* 'маленький' (185);

3) долгий гласный вместо традиционного короткого гласного в непервом слого: *sitää* 'того' (72), *kotooll* 'у дома' (73), *tütöössä* 'о дочке' (74), *püüveettiü* 'поймана' (75), *õsiin* 'я купил' (75), *makaziin* 'я спал' (120), *kotoon* 'дома' (131), *mecääss* 'из леса' (171), *üüväässi* 'хорошо' (176), *muraagaz* 'за морошкой' (177), *paiaatta* 'говорить' (182);

4) двойной согласный вместо традиционного единичного согласного: (*läpi*) *mecää* '(через) лес' (133), *väčč i* 'народ' (173), *niittin* 'я жала' (188);

5) единичный согласный вместо традиционного двойного согласного: *pouku* 'стирка' (28), *õnõliin* 'счастливый' (43), *õsi* 'он купил' (75), *kumassa* 'из какой' (86), *süütämättä* 'непрокормленный' (105), *roopa* 'каша' (105), *jutan* 'я расскажу' (114), *mecije* 'лесов' (146), *jutõb* 'говорит' (148; ср. *juttõb*, с. 114);

6) *a* вместо традиционного *õ*: *Soomaase* 'в Финляндию' (116), *oman* 'завтра' (123; ср. *oomõn*, с. 58), *kuha* 'куда' (182), *noorad* 'молодые' (183);

7) *e* вместо традиционного *ä* и наоборот: *čenäz* (вместо *čenez*) 'в чем' (85), *neimmä* 'мы увидели' (114), *merjessi* 'мокрым' (122), *večüä* 'народу' (131), *täätä* 'дорогу' (177);

8) то *i* + гласный, то *j* + гласный:

а) *i* + V в словах *ahio* 'печь (сущ.)' (28); *kariušši* 'пастух' (33), (*pallo*) *kotoiõ* '(много) домов' (68), *paiatan* 'расскажу' (121), *čaaüu* (*vart*) 'для чая' (172) *laaia* 'широкий' (176),

б) *j + V* в словах (*paari*) *sukkiĵõ* '(пара) чулок' (68), *oĵõn* (вместо *oijõn* или *oĵõn*) 'я нянчила' (72; скорее 'нянчу'), *meje* 'наш' (80), *äjä* (вместо *äijä* или *äjjä*) 'дедушка' (103), (*üli*) *aja* '(через) забор' (111), *tõisijõ čeelije* 'другие языки (парт. мн.)' (121);

9) другие особенности: *linnuu* (вместо *lintua*) 'птицы (парт.)' (48), *čain* (вместо *čäin*) 'я ходила' (103), *miä* (вместо *mi-*) *eb õ* 'у меня нет' (115), *tunnozivad* (вместо *tuntõzivad*) 'умели бы' (116) *õcub* (вместо *õcib*; у Д. П. Цветкова *ettsimä* 'искать') 'ищет' (117), *toob* (вместо *tuõb*) 'придет; приедет' (121), *perzez* (вместо *persez*) 'в заднице' (138).

Чем обусловлены такие различия по сравнению с традиционными грамматиками и словарями? Изменился ли язык последних водских информантов под влиянием русского языка настолько, что в потоке речи исторически долгие глас-

ные спорадически превратились в короткие (и наоборот)? Или удлинение гласных возникло в словах с эмоциональной нагрузкой? В обоих случаях не следовало бы использовать такие слова в качестве примеров. Или дело в неточном написании водских звуков? Или опечатки? Или то и другое? Если автор книги заранее объяснила бы читателю эту проблематику, вопросы не возникали бы.

В заключение рецензент констатирует, что, несмотря на некоторые спорные места, описательная грамматика кракольского диалекта, составленная Т. Б. Агранат, является необходимым дополнением к грамматикам Д. П. Цветкова и П. Аристэ. Автор этих строк надеется, что в не очень далеком будущем кто-то напишет обобщающую, и одновременно обстоятельную грамматику на базе всех известных диалектов водского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- А д л е р, Э. 1966, Водский язык. — Финно-угорские и самодийские языки, Москва (Языки народов СССР 3), 118—137.
- А г р а н а т Т. Б. 2008, Малые языки Российской Федерации. Водский. — ВЯ 2, 65—72.
- A h l q v i s t, A. 1856, Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning, Helsingfors (Acta Societatis Scientiarum Fennicae 5).
- A r i s t e, P. 1948, Vadja keele grammatika, Tartu (Nõukogude soome-ugri teadused 9).
- E l o m a a, J. 1981, Inkerin bibliografia. Luettelo vatjalaisia, inkeroisia ja Inkerin suomalaisia käsittlevästä kirjallisuudesta, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 22).
- 1995, Vatjan alkuperän ongelma. — CUFU VIII. Pars IV, 157—160.
- E r n i t s, E. 1996, Vatjalaisten assimiloitumisen historiaa. — Historia Fenno-Ugrica. Congressus primus historiae Fenno-Ugricae 1₁, Oulu, 193—206.
- 2005, Vadja keele varasemast murdeliigendusest ja hilisemast hääbumisest. — Piirikultuuriq ja -keeleq, Võro (Võro Instituudi toimõndusõq 17), 76—90.
- 2006, Vadja keel ja kultuur ajalookatlas. — Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat 2004—2005, Tartu, 219—241.
- S u h o n e n, S. 1985, Wotisch oder Ingrisich? — Dialectologia Uralica. Materialien des ersten Internationalen Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4.—7. September 1984 in Hamburg, Wiesbaden (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 20), 139—148.
- T s v e t k o v, D. 2008, Vadja keele grammatika, Tallinn.
- V i i t s o, T.-R. 2003, Rise and Development of the Estonian Language. — Estonian Language, Tallinn (Linguistica Uralica. Supplementary series 1), 130—230.
- 1961, Vadja keele Luutsa-Liivčülä murraku fonoloogia. — ESA VII 1961, 142—174.
- W i e d e m a n n, F. J. 1871, Über die Nationalität und die Sprache der jetzt ausgestorbenen Kreewinen in Kurland, St.-Pétersbourg (Mémoires de L'Académie Impériale

des Sciences de St.-Pétersbourg,
série 7, t. 17, N 2).
W i n k l e r, E. 1997, Krewinisch. Zur
Erschließung einer ausgestorbe-

nen ostseefinnischen Sprachform,
Wiesbaden (Veröffentlichungen
der Societas Uralo-Altaica 49).

ЭНН ЭРНИТС (Тырванди)

Address:
Enn Ernits
Estonian University of Life Sciences
E-mail: ennernits@hotmail.ee